

«ВСЕ СНИТСЯ: ДОЧЬ ЕСТЬ У МЕНЯ»

Неизвестные стихи и забытый рассказ Ивана Бунина

Независимая газ. — 1994. — 6 июля. — С. 7.

Владимир Приходько

Другие берега

В ЕГО ЖИЗНИ это было первое путешествие. Первое — самое необыкновенное. В заповедную страну, что называлась городом. Ведь жил мальчик на хуторе, в малолулье. Его волновали два чувства: сладость осуществляемой мечты и страх, что она почему-то не осуществится. И вот город, утро, гул колоколов. В городе поразила больше круглая коробочка ваксы. С тусклым блеском и упоительным запахом. Потом мальчику купили сапожки, и кучер сказал слова, запомнившиеся на всю жизнь: «В аккурат сапожки!»

Прошло несколько лет. Мальчик сидел за партой в гимназии. На уроке греческого. Учитель объяснял, мальчик не слушал. Перечитывал любимую «Одиссею»: о том, как Навзикая поехала со служанками мыть пражу. Тут вошел директор. Вырвал у мальчика книгу: «Пошел до конца урока в угол!» Мальчик поднялся, бледная, и сказал: «Не кричите на меня и не говорите мне «ты». Я вам не мальчик...»

Детство кончилось... Устный рассказ об уходе из гимназии в устах Бунина звучал по-иному. Однажды на урок математики пожаловал директор, плешивый человек с заостренным черепом. Он процедил по адресу гимназиста: «Тупоголовый!», — а тот тем же тоном внезапно парировал: «Остроголовый!» Две правды — в романе «Жизнь Арсеньева» правда преображенная...

...Летом 1989 года я побывал на могиле Ивана Алексеевича Бунина — под Парижем, в тихом, красивом месте. И я поклонился ему, последнему русскому классику, прожившему жизнь, полную странствий и гордого противоборства. Вспомнил его чудесные, любимые издавна страницы. Вспомнил стихи.

Углубляясь в его наследие, делаешь новые открытия. Происходит уточнение представлений о личности писателя. Хорошо знавший его литератор-эмигрант Рошин утверждал: «Вокруг имени И. А. Бунина крепкой стеной стоит нелепая легенда о «холодном академике», «оскорбленном помещике», «нагнемном олимпийце». Тот, кто перешагнул эту стену, тот знает редкое обаяние этого удивительного, нежного и доброго, деликатного и неистово жизнерадостного человека». Другой литератор говорил, что в присутствии Бунина нельзя себе представить, что такое скука: Бунин умел быть любезным, гостеприимным хозяином и на редкость очаровательным гостем. И он же был беспощадным, неистовым и непримиримым спорщиком. Мог отпугнуть резкостью, желчностью, а то и озлобленностью: «Я... сед, сух, худ, но еще ядовит» (1941).

В 60—70-е годы публикаторы, начиная с Александра Твардовского, Александра Бабореко, Олега Михайлова, Сергея Макашина (я тоже горжусь тем, что издал десять его поэтических книг), мало-помалу вводили имя Бунина в общественное сознание. В Россию. Чтоб не покусались никакие грядущие сусловы. Но Бунин забронзоветь не успел: его новое собрание не вышло, научная биография не написана. Что ж, это, пожалуй, хорошо. Почтительности и без того слишком много. Бунин любил повторять, что он не червонец, чтобы каждому нравиться. И все же, когда в эгоцентричной автобиографии Нины Берберовой «Курсив мой» (к которой в целом я отношусь без предубеждения) на авансцене вместо поэта появляется его ночной горшок, спазм отращения к автору перекашивает горло. Оказалось, что и наши усилия были поняты не всеми. В гораздо менее ценных мемуарах Василия Яновского «Елисейские Поля» (Нью-Йорк, 1983 — СПб., 1993) говорится: «Бунина и Шмелева, прополов, издают теперь в Союзе полумиллионными тиражами. Россия еще долго будет цитаться исключительно эпигонами. Ей нужна детская литература для хрестоматий». И далее: «Нельзя сомневаться, что для современного политбюро стихи Бунина все еще понятнее и ближе, чем поэмы Андрея Белого или Анненского».

Бунин мечтал вернуться на родину. Но не вернулся. Раскрученный Валентином Лавровым («Холодная осень», М., 1989) сюжет о том, что помощи, которую в поздние годы оказывали Бунину русско-американские евреи, была налившей на жертву паутиной, парализовала волю старика и не дала выехать в СССР, — тенденциозен и фальшив.

Поэзию Бунина заслоняет, отодвигает на второй план его проза. Случалось, поэт даже противопоставляли прозаику. Сам Бунин против таких про-

тивопоставлений возражал, любил печатать стихи и прозу под одной обложкой. Некоторое время назад многим казалось, что лирика Бунина в стороне от столбовых дорог поэзии XX века. На фоне поэтических экспериментов отсутствие новаций выглядело архаичным и даже отпугивало. Доходило до нелепостей. В антологии «Портреты современных поэтов» (1922) Ильи Эренбурга не было Бунина. Он вскользь упоминается лишь в очерке о Пастернаке: «Он (Борис Пастернак. — В.П.) был бы непонятен, если б весь этот хаос не озарялся бы единством и ясностью голоса... Конечно, Бунин понятнее, и легче добывать огонь с помощью спичек, нежели из камня. Но сердца зажигаются искрами кремня, спичками же лишь пирросы». Прошло несколько десятилетий, и вот уже Яновский именует Бунина то эпигоном (поэтов XIX века), то «зубром, не эпигоном», который «самостоятельно вымирает, не способный к сложным мутациям». И называет имена поэтов (старшие: Ходасевич, Цветаева, Иванов, Оцуп; младшие — Полавский, Червинская, Ладинский, Штейгер, Кнут) — и восклицает: «У них было бы чему учиться Бунину!», но Бунин не учился. Это привело вот к чему: «Теперь в Советском Союзе стихи Бунина переиздаются и даже пользуются успехом. Бедный социалистический реализм!»

То, что Бунин, писавший стихи более шестидесяти лет, не менялся и, в частности, не испытал никакого влияния модернизма, — миф, отчасти распространявшийся самим Буниным.

В 1924 году Бунин объединил в цикл «Из книги пророка Исаии» три стихотворения; вторым стало написанное в 1917-м «У ворот Сиона...». Оно получило название «На гноище» («Русская газета», 1924, № 97). Не под этим ли поздним названием следует публиковать сегодня это гениальное стихотворение?

У ворот Сиона, над
Кегроном,
На бугре, ветрами
обоженном,
Там, где тень бывает от
стены,
Сел я как-то рядом с
прокаженным,
Евшим зерна спелой белены.
Он дышал невыразимым
смагом,
Он, безумный, отравлялся
ядом,
А меж тем, с улыбкой на
губах,
Поводил кругом блаженным
взглядом,
Бормоча: «Благословен
аллах!»
Боже милосердый, для чего
ты
Дал нам страсти, гумы и
заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, ищуты,
Прокаженный радостнее
всех.

Едва вдохнув смрад XX века, Бунин выступил с предостережением против высвобождения низменных инстинктов человека.

...Ты, девочка, тихая сердцем
и взором,
Ты знала ль в тот вечер,
сагая на песок,
Что сонный ребенок,
державший твой темный
сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет
земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, — что не
надо мне рая,
Христа, Галлилеи и лилий ее
полевых,
Что я не смиреннее их,
Апильи, Тимура, Мамай,
Что я их достойн, когда,
Наскучив тапиться за ложию,
Рву древнюю хартию Божью,
Насилую, режу, и граблю, и
жгу города?
(«В Орде», 1916)

...Слово «блеск» с многочисленными синонимами — ключ к лирике Бунина (как тут не вспомнить его первый детский восторг: тусклый блеск сапожной ваксы). Пятнадцатилетним подростком поэт написал: «И дверь распахну я на солнечный блеск...» Вся его поэзия распахнута на солнеч-

ный блеск. «Повсюду блеск, повсюду яркий свет...» Блеск то алмазный, то янтарный, то пурпурный, то веселый, то стеклянный, то пустынный, то влажный, то золотой с голубыми переливами. То холодный, то теплый. «Голый от звездного блеска...» Пламя полярного сияния, всегда манившее его, заливаает мир «Листопада». Вот как увидел он негритянку на нубийском базаре: «Она черна, и блещет скат ее плечей, и блещут груди: так два тугих плода лежат на крепко выкованном блюде». Вот едва ли не последнее его стихотворение — «Ночь» (1952):

Легкая ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и галь
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижимый свет
До постели лег.
Никого в погдушной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

«Выньте Бунина из русской литературы, — писал Горький, — и она потускнеет, лишится живого раужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души». Можно вспомнить и Адамовича: «Бунинские писания увядают и почти что ослепляют ровным, сильным, ни на минуту не меркнувшим блеском».

О том, что существуют его стихи-письма, обращенные к ребенку, я узнал четверть века назад, прочитав письмо Веры Муромцевой-Буниной Николаю Смирнову: «...Я же столько раз была на елке все у той же Олечки, которая называла Ивана Алексеевича «Ваней» и говорила ему «ты». Она у нас в детстве несколько лет жила в Бо Солейе, а затем в Грассе, потом в Париже. Теперь (1960. — В.П.) она — невеста. Выходит замуж... Иван Алексеевич много написал ей писем-стихов. Я дала их Л. В. Никулину. Он хотел что-нибудь из них напечатать, да, видимо, забыл. Письма есть очень забавные». Всякий, читая эти строки, вспомнит одно из самых замечательных стихотворений Бунина — «Дочь» (1923):

Все снится: гоць есть у меня,
И вот я, с нежностью, с
тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к венцу убрали,
И сам, нелюкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Я в это время писал о Бунине-поэте, составлял его книги стихов для детей. И, по моей просьбе, изумительный литератор и благородный человек Александр Кузьмич Бабореко (думаю, его вклад в литературу не оценен по достоинству) вручил мне текст писем-стихов. Напечатать их было не просто. Во-первых, полузапретная тогда тема: эмиграция. Во-вторых, «домашнее». Рядом с лирикой «не звучит». И для детей слишком мрачно. И — волапок. И все же 4 из 14 писем-стихов попали в книжку: Иван Бунин, «Пахнет черемухой», М., «Малыш», 1974. Осуществить напечатать не удалось.

Да, стихи «домашние». Но в этом нет беды: все, что из-под пера Бунина вышло, интересно.

Тон Бунина, говорящего с ребенком, не учительский. Это игра; озорная сказка, любовь. Недаром billet-doux. То поэт заставляет в честь Оли плясать всех вокруг, то сам превращается в белого кота, чтоб ее поздравить. На фантастических деревьях зреет колбаса; необычайные блюда подают на обеде у знакомых; все доброе горько, шла война... В конце сказка-игра обернулась голодной галлюцинацией.

«Детей он любил органически, так же как любил жизнь (...). Умел с ними говорить, как кудесник, как чародей, и покорял их сердца», — вспоминает художница Муравьева-Агаинова. В молодости Бунин публиковал стихи в детских журналах, издавал книги для детей. И в поздние годы его сердце было открыто ребенку.